

Как было

Воспоминания о П. Л. Драверте. 1924 год [1]*

І. Зарытый талант

Желтовато-серая дорожка извилисто выбегает из рощи, вдруг теряется на грани разъезженной пыльной дороги и, вынырнув дальше, бежит по небольшой сосновой аллее, оборванной круто росистой степью. Сизый полынный пригорок прижался к дороге, а на нем одиноко распростерлось громоздкое серое здание Сibaки [2] и сверкает далеко яркой красной кровлей. Бежит дорожка вперед к самому зданию. Кажется, близко оно, но идти до него далеко, а дорожка манит и бежит вперед, такая желанная, но трудная: все в гору.

Заложив руки за спину, идет по дорожке невысокий человек. Небрежно одета красная бархатная шапочка, расстегнут белый китель, легкие туфли по-домашнему шлепают на ногах – все изобличает человека, которому спешить некуда. Он только вышел встретить веселое летнее утро. Удлиненное тонкое лицо с русой острой бородкой освещается мягкой улыбкой. Серо-стальные глаза от нее искрятся, а все лицо становится одухотворенным, обаятельным. Идущий глубоко ушел в свои мысли, губы его иногда беззвучно шевелятся. Вот, замедляя шаг, он размеренно, внятно произносит:

– Мы пройдем по гулким коридорам,
Мы пройдем по лестницам широким,
Кто-то нас проводит взором,
Может быть, ревнивым и глубоким...

Пройдена последняя ступень. Человек внезапно останавливается, задумчиво поворачивает лицо к роще и, слегка вытянув руку вперед, как бы приветствуя старых милых знакомых, проникновенно говорит:

– И лески берез все те же!

Взгляд его встречает неожиданных людей, человек потухает, круто поворачивается и беспокойной быстрой походкой меж росистой полыни идет обратно к далекому зданию Сibaки...

Так произошла моя первая встреча со старейшим поэтом и ученым Сибири профессором П. Л. Драверт[ом]. Он ранним утром этого

* Подготовка к публикации и примечания Ю. В. Тимченко

июльского дня 1924 г. вернулся со студентами с практики из Екатерининской лесной дачи [3].

Трудно поднимать со дна души дорогой образ и ушедшие минуты. Встает передо мной эта часть моей жизни со всеми ее случайностями и встречами, со всеми мыслями и переживаниями. Все прожитые двадцать два года встают как один день в моей памяти. Перед умственным взором оживает вереница лиц. Одни ушли из жизни, других вырвала война. Но от всех тянутся нити к дорогому и близкому, и нельзя говорить о нем, не сказав о них.

Летом 1924 г. меня привела в Омск неприятная дорожная случайность. Ехала я с приятельницей А. П. Соломиной – «Соломкой» в Томский университет, были у меня и родственники в Томске. Но на небольшой станции Куломзино под самым Омском нас основательно обокрали. У меня остались: случайные 10 коп. в кармане, проездной билет, да легкая одежда на мне. Пришлось сделать вынужденную и длительную остановку в Омске.

После всех процедур регистрации кражи железнодорожной милицией, в самом унылом настроении я размышляла о том, что предпринять дальше, когда в здание вокзала с шумом и смехом ввалилась группа молодежи и расположилась рядом со мной. Непринужденно и быстро завязалось знакомство. Это были студенты Сибачи – агрономы, ехавшие на практику в совхоз. Узнав о нашем положении, кто-то из девочек написал записку О. П. Высотиной [4], исполняющей обязанности старосты 9-го женского интерната.

Так я стала жительницей Сибачи (Сибирской сельскохозяйственной академии).

При содействии О. Высотиной, Р. Ешкиной, Н. Попковой и Л. Романенко я получила поденную работу на опытной зональной станции (теперь – СибНИИСХоз) и стала готовиться к вступительным экзаменам в Сибачу.

Обычно в 4-5 ч. утра я уходила в рощу и занималась, а с первым звонком на станции шла на работу. В это мы утро мы занимались с Ривой Ешкиной русским языком, ей плохо давалась грамматика. Но после встречи наши занятия не клеились. У меня осталось чувство невольной виновности и неловкости. Мы, хотя и нехотя, явно помешали чужому творческому одиночеству. Всю дорогу до станции в моих мыслях звучало:

– И лески берез все те же...

В Сибаче тогда собралось все незаурядное, тянувшееся к знанию.

Из общей массы выделялась группа студентов, которые остро воспринимали окружающее, любили хорошую книгу, музыку, стихи, некоторые и сами пробовали писать, были и просто веселые остроумные люди. И все они связывались авторитетом и симпатией к П. Л. Драверт[у]. Это были: В. Берников [5], Т. Греховодова [6], О. Высотина, Т. Курковская, В. Иванова, В. Чертова, М. Никитин, Катаевская, Н. Фитисова, «Остячка» (Аня Киселева), А. Ребрин [7], С. Голубинский [8], М. Смирнов и др. Были и хорошие декламаторы – Леля Высотина, Таня Курковская, Тамара Греховодова и др.

Я также тогда писала немного стихи и в основном прозу.

Окружающие товарищи принимали меня сочувственно и настаивали на том, чтобы я посоветовалась с П. Л. В этот его приезд в Омск почти все студенты были на практике вне города. Оставались только немногие, связанные с опытной работой кафедр, да те, кто ехал во вторую очередь на практику. Я легко получила место в интернате и встречала в коридорах Сibaки еще несколько раз П. Л. Но теперь он был другой: замкнутый, официальный. При каждой встрече мое сердце замирало, мне трудно было побороть свою робость и пойти к нему одной для беседы. Я подходила в крайнем волнении к его дверям и возвращалась. Наконец, я не выдержала и написала ему письмо через адрес Высотиной. Скоро пришел любезный ответ с приглашением. Теперь уже отступить было некуда.

Длинная комната-музей в левом крыле основного корпуса Сibaки. Строго блестят стекла витрин, где сверкают кристаллы петрографических коллекций, тяжело лежат металлы и другие полезные ископаемые. В небольшом уголке за громоздкими шкафами приютилась полка с книгами, письменный стол, маленькая лаборатория, походная кровать. Поверх всего с книжной полки строго смотрел пустыми глазами белый череп, с сильно поврежденной нижней челюстью. Около черепа сбоку на маленькой четвертушке ватмана в траурной рамке стояла надпись: «Homo Sapiens».

Найден он был в прибрежном иле Иртыша на месте расстрелов в Куломзинские события 22 декабря 1918 г. [9]. По глубокому убеждению П. Л., он принадлежал одному из участников восстания, героически погибших в страшную ночь 22 декабря 1918 г.

Я сильно волновалась, но встретились мы свободно и просто, и душевно. Хорошо поговорили. Я не была еще студенткой Сibaки, и мне пришлось рассказать о своих злключениях. П. Л. искренне встревожился моим положением, но он уезжал через день с новой группой

студентов, а этот единственный оставшийся день был выходным, и всякие мероприятия для меня ему пришлось отложить до возвращения.

Беседуя, мы медленно ходили по длинной комнате-музею. В открытое окно ее вместе с запахом полыни наплывал простор Иртыша. Подбирая слова осторожно, П. Л. анализирует все, что было дано ему на отзыв:

– Стихи Вам, по-моему, лучше не писать, работайте над прозой... Хорошо, что Вы ищете критику, но очень плохо, что Вы теперь не пишете. Судя по датам, это все давно написано. И пусть это все далеко от совершенства, но я интуитивно чувствую в Вас дарование, силу, без способностей так написать нельзя... Работайте, Вы должны работать. А теперь Вы талант зарываете в землю.

Расстались мы друзьями. И долго еще на моем столе жили подаренные им яркие цветы, возрождаясь все снова и снова из незаметных бутонов.

Давно уехали студенты, уехал с ними и П. Л., а в моем сознании, в моем сердце жили осуждающие жесткие слова: «Талант зарываете в землю». Так произошло мое первое знакомство с П. Л., и завязалась наша хорошая дружба.

Уныло и пусто в интернате. Девочки дали мне сборник стихов П. Л. «Сибирь». С большим удовольствием я читаю его, а из каждой строчки встает удлинненное тонкое лицо с острой русой бородкой и ласковыми серо-стальными глазами. Рука ощущает теплое пожатие, и сердце учащенно бьется. Соберутся все на ужин, и начнутся разговоры о П. Л., так много здесь связано с ним, и как-то незаметно каждый вечер о нем что-нибудь рассказывают.

Студентки 9-го женского интерната, особенно I колонна, где я жила, дружили с П. Л., обменивались стихами. Как-то ранней весной они подарили П. Л. прекрасную сверкающую глыбу льда, сопроводив ее коллективным посланием в стихах. В ответ на этот подарок он написал им теплые красивые стихи, которые хранились у Лели Высотиной. Да и почти все стихи этого периода были у Высотиной (впоследствии жены С. Голубинского).

Я живу как все. Утро занято у меня подготовкой к экзамену, день – утомительной работой на станции, а вечер уходит на отдых и чтение художественной литературы. Кто-то принес в интернат сборник Л. Сейфуллиной [10], и я прочла ее «Перегной», «Правонарушителя» и «Виринею». Какое сильное впечатление оставляет Сейфуллина. Трудно оторваться от книги. Ее можно читать только «запоем». «Соломка» моя шутит, что она живет на курорте: она студентка второго курса, получает стипендию и просто живет свободно и беспечно.

Приехали девочки с практики. В интернате сразу стало шумно и весело. Все поднимаются утром рано и разбредаются по различным делам. А вечером интернат оживает. Уютно собираемся мы вечерами в интернате, и завязывается коллективная жизнь. Теперь нет отдельных студентов, есть только крепкий коллектив, трудовая семья, которая живет общими интересами и стремлениями. Каждый член ее чувствует себя увереннее и сильнее.

Приятный сильный голос запевалы начинает самую популярную песню о Сибаке:

*Как на горке на крутой
Институт стоит большой.*

И сразу дружный хор голосов подхватывает припев:

– Цимля, цимля, цимля, ля, цимля, ля.

А запевала уже поет дальше о двух Никитах, возглавляющих институт:

– Один Никита молодой, (проф. Ишмаев)[11]

Другой Никита с бородой. (проф. Грибанов)[12]

Потом проходят портреты студентов по всем специальностям.

Песня эта часто импровизируется, дополняется новыми куплетами, всегда поется с большим подъемом, весело, и любят ее все студенты.

Вдруг запевала меняет ритм и задорно бросает в пространство весело подхваченную всеми шуточную пародию на студентов:

Гей, студенты, гей, студенты,

Как прекрасна наша жизнь!

А запевала уже насмехается, поет дальше:

Люди едят вишкой,

Люди едят вишкой,

А студенты пятерней.

Хор мощно покрывает его:

Гей, студенты, гей, студенты,

Как прекрасна наша жизнь!

Запевала упрямо снова вырывается из хора:

Люди пьют чай, кофе,

Люди пьют чай, кофе,

А студенты H₂O (аш два о).

И в ответ ему гремит по всем интернатам:

Гей, студенты, гей, студенты,

Как прекрасна наша жизнь!

Незаметно крадется время. Интернат освещает только закат, и су-

мерки сгущаются. Время от времени вспыхивают огни папирос, и вырывают из полумрака отдельные лица, детали.

Таня Курковская запекает шутивную песенку о любви с печальными словами и нелепым припевом: «Веселый разговор, веселейший разговор». И снова все дружно поют: «Веселый разговор». Песня кончилась, и как-то сами собой возникают разговоры. Беседовали о многом, обсуждались мечты и планы, ожидания и надежды, передавались прочитанные книги, оперы, кинокартины, читались стихи С. Есенина, В. Маяковского, Г. Вяткина [13], П. Драверта. Стихи П. Л. студенты любили, и многие имели его сборник «Сибирь». Читались и импровизации, стихи безвестных товарищей, дружеские шаржи. Читали сами авторы, в том числе и П. Л., читали товарищи. Леля Высотина неожиданно читает дружеский шарж, написанный ею на признанную нами интернатскую поэтессу Т. Греховодову. Подражая ее манере писать, с тонкой иронией она осмеяла в стихах ее манерность, заумность. Шарж, как стихи у Греховодовой, начинался напевными строками:

В лиловых сумерках вчера ты мыла ножи,

За долгий день трудов устали крошки...

Хорошо читала Леля стихи П. Л., особенно она любила «Собака Намана», «Самоедскую девушку», «От твоей юрты до моей юрты», ответ П. Л. студенткам на подарок глыбы льда и многое другое. Читались нигде не опубликованные посвящения и всем известные стихи, вошедшие в сборник «Сибирь», но все читалось и слушалось с большим теплом и подъемом.

Кто-то просит Таню Курковскую прочесть «свои» стихи («своими» она называет стихи брата Сережи). Таня долго молчит, курит, собирает свои мысли и, наконец, говорит тихо:

– Прочту Сережины.

И с большим чувством она читает стихи о детстве:

Я хотел бы снова маленьким и беспечным быть... (и т.д.).

Мы все почему-то любили эти стихи о детстве (...) Мне особенно нравился первый куплет, П. Л. находил также его наиболее удачным.

Тогда в Сибике было много проведено прекрасных содержательных вечеров, овеванных ароматом молодости, порыва и дружбы.

Я стала студенткой Сибачи и переехала в город. Первому курсу читались лекции в городе, на Тобольской улице № 14 (теперь ул. Орджоникидзе), в доме бывшего представительства Печокас [14]. Перевели в город и кабинет П. Л. Мы уже давно работаем вместе. Он убедил меня взять работу у него в кабинете. Работаю я с большим удо-

вольствием, для меня все ново и интересно. Я читаю много специаль- н[ой] литературы, рекомендованной мне П. Л. Теперь мы встречаемся каждый день, и все крепче становится наша дружба.

Осень 1924 г. удалась теплая и затяжная. Мы любили бродить до поздних сумерек в задумчивой дряхлеющей роще. Упивались дурманя- щим ароматом поблекшей листвы и радовались теплым приятным дням ласковой осени. Иногда мы далеко заходили до самой Сibaковской до- рожки. П. Л. часто читал стихи – и старые, и новые, посвященные мне, много рассказывал, делился своими мыслями, планами.

В тот вечер мы зашли далеко к оврагу, к месту расстрелов колча- ковцами [15]. Сколько погибло здесь жизнью трепетных, прекрасных и дерзающих!

Густо покрыл землю пожелтый лист, совершенно терялись в нем звуки шагов, сердце наполняла непонятная грусть, теснились от- рывки воспоминаний, мимолетные мысли, полузабытые слова. Неволь- но вспомнилось мне пушкинское:

*В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь...*

Оказалось, что П. Л. забыл этот текст. Мы заспорили.

– У меня есть Пушкин, пойдем ко мне и проверим, – вдруг предло- жил П. Л. Мы пошли. Этот вечер стал гранью нашей большой близости. Зеленый абажур скрадывал яркость света. Сидя прямо на полу, около моих ног, П. Л. зачарованно читал Пушкина, а время летело незаметно.

До встречи с П. Л. у меня был друг. С ним мы тепло расстались в Одессе в разгар хмельной южной весны, когда дурманящий сладкий запах белой акации висит в воздухе, преследует на работе, в столовой, в постели. И так понятны легкомысленные желания, безрассудные по- ступки. Мы расстались с Виталием неожиданно, и было это так давно. Последнее время мы даже редко переписывались, и я не знаю, кто был виноват в этом. За несколько дней до нашего интимного разговора с П. Л. Виталий неожиданно приехал в Омск и стал студентом лесно- го факультета. Сердце мое мучительно сжалось. Я поняла, что не одна весна диктовала его пылкие речи, а в моей жизни затянулся неприятный узел. Мы занимались с Виталием вместе, вместе работали с П. Л. Боль- ше молчать я не могла и рассказала все П. Л.

Серьезно и грустно он прощается со мной, подчеркнуто целует

руку, надолго задержав ее в своей. Невольно я провожу с болью рукой по его волосам. Мне хочется сказать ему многое, многое объяснить, но я, не отнимая руки, молча смотрю на милый профиль, и кажется мне, что это последняя наша хорошая встреча, что близость наша порвалась. Так и расстались мы, ничего не сказав друг другу.

Два, три дня мы встречались только в деловой обстановке, а потом появились его новые стихи «Молодой, отчаянный бродяга». Камнем на сердце легла мне строфа:

*Выпила всю душу без остатка,
А потом с купцом ушла Татьяна,
Кареглазая моя солдатка!*

«Моя кареглазая», сколько раз он называл меня так! Укор его слов жег меня, стихи мне открыли многое. Я боялась верить им, но как-то само собой сказалось сокровенное. Дружба наша стала ясной и крепкой, мы решили не расставаться. И Виталию я должна была сказать все, да я и не могла вынести обмана или фальши, мы оба берегли и хранили наше большое красивое чувство.

Вяло и прерывисто идут наши занятия. Мы часто отдыхаем, вернее, оставляем книги и уходим в разговоры и размышления. Жучок, плотно прильнув к креслу, мрачно напевает песенку о королеве и шуте, четко ударяет в сознании каждое слово:

*Ведь он не знает, что она
Не одного его целует. —
Звени, звени, бубенчик мой,
Играйте, пойте громче, струны,
Ведь вы поете для шута,
Шута, что любит королеву...*

Я не выдерживаю:

— Нет, Жучок, знает!...И он знает, и ты знаешь... Но она целует и его и тебя по-разному: одного — как любимого, другого — как брата.

Я обнимаю его плечи. Умоляюще пристально он смотрит молча на меня. Сердце стучит. Мне очень тяжело, но я перебарываю себя и все рассказываю Виталию. Пусть он знает, как властно полонило меня новое большое чувство, еще никогда не пережитое мной раньше. Я говорю, что не в силах порвать нашу красивую близость с П. Л. И зачем это нужно? Он любит меня, я люблю его, может быть безрассудно, но на всю жизнь.

— Ты самый родной человек мне, мой прекрасный друг, моя чистая привязанность! Но то, что ты хочешь от меня, я дать тебе не могу... Я очень ценю тебя, твою дружбу.

И невольно поддаваясь порыву, я нежно глажу его волосы, целую глаза, в которых застыли боль и укор. Он приникает плотнее к моей груди и, целуя руки, глухо говорит:

– Я не могу видеть вас вместе.

– Вот это мне очень больно... Помнишь, на пляже в Люсдорфе ты мне самозванно предъявил права... Мы всегда хорошо вспоминаем одесскую дружбу.

Лицо Виталия освещается улыбкой:

– Ты зверски отругала меня и надрала мне уши.

А теперь я запускаю обе руки в спутанные кудри Жучка. Он весь черный, мой Жучок – природный одессит, а мать у него была гречанка, отец – украинец. От матери он, наверное, взял порывистость и страстность. Я чувствую, что мы договорились, понимаем друг друга. Жучок после большой паузы по-новому, изучающе смотрит на меня и грустно читает чьи-то стихи:

*Губ нецелованных, глаз неулыбчивых
Мне не вернуть, не вернуть никогда!..*

Я понимаю Жучка, прямо смотрю ему в глаза и напоминаю оптимистическое двустишие:

*Не говори с тоскою «нет»,
Но с благодарностью «были».*

Он порывисто схватывает мои руки и, стиснув до боли пальцы, с чувством говорит:

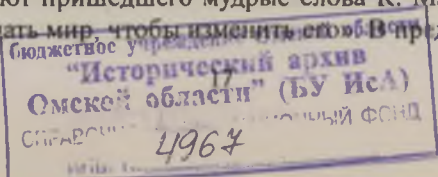
– Ну и какой же ты у меня удивительный человек!

Я знаю, что я исполнила свой долг, но почему такое смятение на сердце. Я могу теперь открыто смотреть в глаза и Виталию, и П. Л. У меня нет тайн ни от одного из них, но и полного успокоения у меня нет. Я только обо всем забываю тогда, когда властная сухая рука крепко сжимает мою руку и серо-стальные глаза, глубокие, любимые, сливаются в горячем взгляде с моими. Сердцем я читаю их язык, и мне немного жутко и отрадно.

II. Начинающие. Встречи и разговоры.

Как выходишь из рощи, сразу возвышается над степью на полынном холме строгое серое здание Сibaки. Оно величественное, монументальное и доминирует над окружающим.

Широкие гранитные ступени ведут в вестибюль, где с серого полотнища встречают пришедшего мудрые слова К. Маркса: «Пролетарии должны познать мир, чтобы изменить его» В пр

кабинетов с обоих кумачовых простенков бьют в сознание великие заветы: «Учиться, учиться и учиться!» «Грызите молодыми зубами гранит науки».

В двери все время вливается живая струя молодежи. Эта дерзая мужественная семья пролетариев, готовая на труд и на подвиг.

Первые курсы всех факультетов слушают ряд дисциплин вместе. Математика, физика и химия – основа всей работы агронома, лесоведа, землеустроителя, мелиоратора. Каждому специалисту они нужны в различной степени. Землеустроитель и мелиоратор изучают шире математику, агроном и лесовод – физику и химию. Но первые робкие шаги в науку они делают все вместе, и у меня теперь много друзей. Снова я встаю в 4-5 ч. утра и занимаюсь своими делами, в 6-7 ч. я иду в кабинет на работу. Практические занятия проводит ассистент П. Л. – М. И. Крот [16], но я должна подготовить все необходимое для занятий. Он говорит мне, какие и сколько групп будет работать, я подготавливаю практикум и ухожу на лекции или на практические занятия, которые все проводятся в Сибаке.

В узкой тесной коробочке здания «представительства Печокас», где находится городская часть Сиваки, размещены квартиры профессоров и преподавателей. И только на самом «верхотурье» в неудобных аудиториях читаются лекции. Постепенно я вхожу в учебную жизнь института. Мой рабочий день распадается: с утра работа, потом институт, потом снова работа.

Многолюдные шумные аудитории, деловые лаборатории, строгие учебные кабинеты сменяют друг друга. Как у студентки у меня теперь много обязанностей. Лекции отнимают только половину моего времени, главная часть его уходит на практические занятия, из которых особенно трудоемки количественный и качественный анализы по химии. В самом подвале института, в его правом крыле сосредоточены химические лаборатории: трудоемкая кропотливая – количественного анализа и загадочная заманчивая – качественного анализа. И в той, и в другой с утра и до поздней ночи толпятся озадаченные серьезные студенты. Одна группа сменяет другую, и каждая разрешает свои задания.

Химия – основа работы агронома и лесоведа, и химические анализы я отрабатываю вместе с Виталием. Пока основной способ передвижения из города в Сиваку – собственные ноги. Между городом и Сивакой лежит роща. Почти час скорым шагом я добираюсь до места. Город я миную быстро, в роще я сбавляю шаги. Медленно иду я «по нашим» дорожкам, вспоминаю наши разговоры с П. Л. и незаметно дохожу до цели.

Жучок ждет меня и тоже готовится к занятиям: он отвоевывает нам рабочее место за лабораторными столами, получает посуду, оборудование.

Я поспешно забегаю в знакомый 9-й женский интернат, в родную I колонну, надеваю халат и спускаюсь в мрачные деловые подвалы института. В лаборатории качественного анализа вместе с Жучком мы получаем задачу. Пожилая строгая лаборантка скупко наливает нам в колбу «святую водицу» (нам задачи дают всегда в форме прозрачной жидкости). Жучок рядится, просит «трохе добавку». Она улыбается и приливает еще немного. Картинно рассматривая прозрачную колбу на свет, где лениво перекатывается по стенкам жидкость, Жучок гудит над моим ухом:

– А ну, спытаем, шо це такэ?

Люблю я в нем эту жилку юмора, с ней веселее и легче работать.

И вот мы часами «пытаем», как древние алхимики, нашу задачу: пробуем на лакмус, осаждаем, кипятим, выпариваем, прокаливаем. Выстраиваем в штативе шеренгу пробирок с осадками и без осадков, с жидкостями различной окраски. Спорим, доказываем друг другу и, торопливо записав магическую формулу компонентов, идем на последний суд к лаборантке. Она выносит окончательный приговор, из которого мы узнаём, всё-ли мы откопали и определили, не проскочил ли у нас какой-нибудь элемент-«невидимка». Бывают хорошие дни, когда все определяется сразу. Попадают и упрямые задачи, которые приходится брать два, три раза – не все элементы определяются легко. Тогда Жучок сопит, крихтит, вздыхает, даже пробует напевать. Я «зловредно» ему шепчу:

– Опять шмель залетел.

Он виновато улыбнётся и успокоит:

– Молчу, молчу, зловредная.

Часто к нашей химической трагедии прибавляется трагедия кошелька. «Изничтожая» упрямую задачу, Жучок «вырывает зло с корнем», и на столе остаются печальные «ослофакты» – кучка битой посуды. Я всегда жестоко посылаю его на расправу к лаборантке. Он стоически выслушивает длинную отповедь и оплачивает стоимость разбитой посуды. Но по твердому договору оплату мы вносим сообща. Он всегда бывает смущен, если сумма возмещения бывает «кругленькой» и так беспомощно оправдывается:

– Та я ж ее только чуток тряхнул, а она разлетелась... такая поганая, никудышная посуда!

При неприятно крупных катастрофах, особенно во время мытья

посуды, он «винится» сразу. Заложив руки за спину, робко говорит:

– Ты ругаться будешь... опять осечка.

– Буду, обязательно буду и еще пошлю тебя самого на растерзание к «Пиковой Даме» (так мы зовем лаборантку).

С искренней досадой, убитым тоном Жучок решает:

– Ну и какой я медведь!... Та на ж лучше отдери за чуприну! – склоняет он передо мной свою лохматую голову. Но мы всегда быстро заключаем перемирие и дружно работаем дальше. Прежде чем сдать работу я часто стараюсь перемыть всю посуду, навести во всем порядок. Жучок наблюдает за мной и говорит восхищенно:

– Ой, до чего ловко получается у тебя. Дай поцелую! Я бы половину переломал.

– По всяким пустякам целовать не обязательно, а ты лучше, мое милое «Тридцать Три Несчастья», учишь делать все без «ослофактов».

Время мое вышло. В город на работу я иду быстро. П. Л. всегда встречает меня расспросами о моих успехах. Я делюсь с ним проделанным за день и приступаю к своим обязанностям. Обычно всю работу я заканчиваю поздним вечером, стараюсь приготовить все возможное, чтобы на другой день было легче. Напиливаю квадратиков древесного угля, приготавливаю реактивы, паяльные трубки, необходимые пособия.

Наконец, я закрываю практикум за последним студентом, приветливо прощаюсь с М. И. Крот[ом], уходящим домой, и иду в кабинет к П. Л. Он ждет меня: настало наше время.

– Ну, здравствуй, милый, теперь по-настоящему!

Тепло и радостно на душе. Мы двое, и беседуем как два близких человека, а не как начальник и подчиненный. У него всегда есть для меня интересное и нужное: мудрый совет, ободряющее ласковое слово. Я люблю эти безмятежные вечера. Они часто бывают творческими и всегда человечески теплые. Нам хорошо вдвоем. Немного сказывается усталость уплотненного рабочего дня. Я устраиваюсь в мягком кресле и слушаю П. Л. Иногда мы вместе читаем, вернее, я слушаю, как читает П. Л. и впитываю звуки милого голоса. Он хорошо читает, особенно стихи свои и чужие. Иногда, увлекаясь какой-нибудь книгой или стихами, мы прихватываем большую часть ночи. Как-то выдался очень тяжелый день. Чувствовалась разбитость во всем теле. Я молча приникла к его плечу.

– Устала, детка?

– Немного... И о тебе соскучилась... Почитаем что-нибудь.

П. Л. зорко смотрит мне в глаза. Он знает, что мой лучший от-

дых – книга. Он берет с полки Пушкина и, раскрыв «Полтаву», читает страстные признания Мазепы. Я чувствую, как в слова Мазепы вкладывается наш смысл. Отрываясь иногда от книги, он проникновенно взглядывает на меня. Я понимаю его взгляды. Мне так хорошо сидеть, притаившись в удобном кресле. Тело приятно отдыхает, и сердцу так радостно от близости любимого человека. Вдруг легкий стук в дверь. П. Л. порывисто, как отмахиваются от назойливой мухи, пошел открыть.

Короткий возглас, приглушенные голоса, и он вернулся в комнату в обществе трех мужчин, трех разных возрастов и ярко разных обликов. Первым вошел изможденный высокий человек с бледным узким лицом несколько монгольского типа. Он крупно шагнул ко мне и произнес глухим теноровым голосом:

– Антон Сорокин.

Все движения его были безжизненны. Рука его слабо дрогнула в моей, задержалась, вяло и тихо упала. Он был самым старшим. Вторым вошел много моложе его плечистый большой мужчина, с мягкой неловкостью добродушного сильного человека. Он смущенно шагнул в комнату и был такой простой, понятный, что с ним я почувствовала себя свободно и уютно, точно пришел привычный и близкий человек, который ненадолго за чем-то отвернулся. Приветливо улыбаясь, он крепко пожал мою руку и произнес приятным грудным голосом:

– Евлампий Минин [17].

За ним ростом несколько ниже его стоял белокурый юноша с простым русским лицом, но с манерами парня из романов Джека Лондона. Он немного позировал, говорил громко, шагал резко, курил трубку и излишне много двигался. П. Л. многозначительно рекомендовал его мне:

– Леонид Николаевич Мартынов [18].

Юноша очень крепко пожал мою руку и сразу заговорил, заполнив собой всю комнату. Он вел себя как «восходящая звезда». Так я познакомилась с ближайшим окружением П. Л., с омскими поэтами.

В этот вечер мы засиделись долго. Мартынов читал свои новые стихи. Долго еще мелькали в сознании особенно удачные отрывки и определения: мираж – «опрокинутый город стоит...». «Приезжала тогда айналаин губернаторшею зовут...». Понятным и ярким был его девственный сын степей, ушедший за призраком обаятельной женщины в неведомый город. Стихи были сырыми. О Мартынове много говорили. Все заметно прислушивались к словам П. Л. Он говорил о Мартынове тепло и одобрительно, хотя строго критиковал его.

Иногда мы далеко уходили из города. П. Л. часто читал стихи чу-

жие и свои, были и посвящения мне («Девушке с Охотского побережья», «Слепой дракон» и др.), из которых особенно полюбилось мне «Для нас не журчали весною ручьи»:

*Для нас не журчали весною ручьи,
Не пели влюбленные птицы, –
Нам осень открыла богатства свои
В плаще дорогой багряницы.*

* * *

*И пурпур и золото в роще лесной,
И блеклый ковер хризолита,
И зыбь серебристая ленты речной –
Все ласковым солнцем облито.*

* * *

*Вникая глазами и сердцем в красу,
Сменившую летние лики,
Родная! Тебе мои песни несу
На венчиках поздней гвоздики.*

* * *

*А вечером их я неслышно спую,
Прильнув к твоему изголовью,
И песни и тихую нежность мою
Ты прилмешь с ответной любовью...*

ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 255. Л. 1-28. Рукописная копия.
Орфография документа сохранена.

Примечания

1. Воспоминания Павлы Константиновны Бадаевой (1924 г.) были переписаны Иваном Семёновичем Коровкиным и хранятся в его личном фонде. Коровкин Иван Семёнович – уроженец Любинского района Омской области, краевед и собиратель фольклора. Иван Семёнович поддерживал тесные связи с омскими краеведами и литераторами. Воспоминания П. К. Бадаевой не окончены. Согласно содержанию, были написаны только первые две главы.

На первом листе рукописи И. С. Коровкина приведено полное содержание незавершённой рукописи:

Содержание:

I. Зарытый талант

II. Начинающие. Встречи и разговоры

III. *Mente et maleo*

IV. В беленьком домике

V. Война и люди

VI. Последний год

Бадаева Павла Константиновна – гражданская жена П. Л. Драверта, студентка и сотрудница Сибачи. Жила с Петром Людовиковичем Дравертом на ул. Банной, 24 в городе Омске до момента его смерти в 1945 году. В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии в деле «Списки сотрудников Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства и сведения о них» (ф.492, оп.2, д.76, л.358) имеются сведения о Бадаевой Марии Константиновне, 1904 г.р. Мещанка, окончила школу II ст. имени Льва Толстого в г. Томске. Специальность – преподаватель. Постоянное место жительства – г. Благовещенск Амурской области. Место службы на 1926 год – рабфак, каб. минералогии Сибачи в должности квалифицированный технический сотрудник. Домашний адрес – Рабфак, ул. Музейная, № 6.

2. Здание главного корпуса Сибирской сельскохозяйственной академии было построено на территории, прилегающей к опытному хутору Сибирского казачьего войска в 1913-1917 гг., томским архитектором Ф. А. Черноморенко. Изначально здание занимало Среднее сельскохозяйственное училище до учреждения в феврале 1918 г. Омского сельскохозяйственного института.

3. Екатерининская учебно-опытная лесная дача, переданная в 1923 г. в ведение Сибачи, располагалась на правом берегу р. Иртыш в пределах Тарского округа.

4. Высотина Ольга Павловна, 1903 г. р. – выпускница агрономи-

ческого факультета Сиваки. В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии имеется личное дело Высотиной Ольги Павловны (ф. 492. оп. 6. д. 338).

5. Берников Вадим Венедиктович (1896-1989) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор Омского сельскохозяйственного института, член РГО. Заведующий кафедрой лесоводства и сельскохозяйственной метеорологии ОмСХИ. В Историческом архиве Омской области имеется личный фонд Берникова Вадима Венедиктовича (ф. 3052).

6. Греховодова Тамара Максимовна, 1902 г. р. В 1922-1924 гг. – студентка лесного факультета Сиваки. В архивном фонде Земельного управления исполкома Омского губсовета имеется личное дело Греховодовой Тamarы Максимовны (ф. 209. оп. 2. д. 578).

7. Ребрин Аркадий Владимирович, 1897 г. р. – выпускник Сиваки, агроном. В архивном фонде Земельного управления исполкома Омского губсовета имеется личное дело Ребрин Аркадия Владимировича (ф. 209. оп. 2. д. 1229). В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии имеется личное дело Ребрин Аркадия Владимировича (ф. 492. оп. 6. д. 316).

8. Голубинский Сергей Семёнович – выпускник Сиваки. Специалист по лесокультуре.

9. В ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. в г. Омске состоялось вооружённое антиколчаковское выступление, подавленное правительственными войсками в ту же ночь. Лица, причастные к восстанию, были преданы военно-полевому суду. Расстрелы повстанцев были произведены в Загородной роще, Атаманском хуторе, Куломзино и др. районах города.

10. Сейфуллина Лидия Николаевна (1889-1954) – советская писательница. Окончила гимназию в г. Омске.

11. Ишмаев Никита Ефимович (1890/1892-1937) – советский политический деятель, профессор, ректор Сибирской сельскохозяйственной академии в 1922-1924 гг.

12. Грибанов Никита Иванович (1870-1945) – учёный-лесовод, профессор. Ректор Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства в 1925-1928 гг.

13. Вяткин Георгий Андреевич (1885-1938) – журналист, литератор, поэт, пропагандист литературного дела в Сибири. Уроженец г. Омска. В 1918 г. в г. Омске исполнял обязанности помощника управления Информационного бюро Временного Сибирского правительства и заведующего обзорами печати. Действительный член ЗСОРГО и Общества изучения Сибири. Автор нескольких книг.

14. Дом А. В. Печокас – здание в стиле «модерн». В настоящее время – общежитие для студентов Омского аграрного техникума на улице Орджоникидзе.

15. В настоящее время на этом месте в Старозагородной роще находится памятник жертвам гражданской войны.

16. Крот Михаил Иванович, 1899 г. р. С 1922 г. ассистент при кафедре минералогии и геологии Сибачи, проводил практические занятия по минералогии. В архивном фонде Сибирской сельскохозяйственной академии имеется личное дело Крота Михаила Ивановича (ф. 492, оп. 5, д. 22).

17. Минин Евлампий Андреевич (1893-1931) – омский литератор, очеркист. Входил в омскую артель поэтов и писателей, являлся членом её правления.

18. Мартынов Леонид Николаевич (1905-1980) – поэт и писатель. Жил в г. Омске до начала 1946 г.